

На правах рукописи

НАУМЛЮК Антон Александрович

**Государственная конфессиональная политика по отношению
к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье
во второй половине XVIII – начале XX вв.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Саратов – 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Данилов Виктор Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Кабытов Петр Серафимович

кандидат исторических наук
Маркушина Софья Вячеславовна

Ведущая организация: **Саратовский государственный технический университет**

Защита диссертации состоится 2 декабря 2009 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.03 при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт истории и международных отношений, корпус XI, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского по адресу: г. Саратов, ул. Университетская, 42, читальный зал № 3.

Автореферат разослан «31» октября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук

Л.Н. Чернова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что активизация развития межконфессиональных и церковно-государственных отношений в последнее время указывает на необходимость поиска оптимальных взаимоотношений различных религиозных объединений в поликонфессиональной России. Сложное развитие взаимоотношений старообрядчества и государственной власти в Саратово-Самарском регионе представляет вполне законченную локальную картину государственной конфессиональной политики на местах, которую с успехом можно вписать в более обширное полотно сосуществования государства и различных религиозных объединений России. Это определяет практическую значимость данной работы.

В настоящее время, несмотря на относительно большое количество исследований, посвященных истории старообрядчества, одним из недостаточно изученных вопросов существования староверия остается взаимодействие с государственной властью. Тогда как теоретическое изучение государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в целом насыщено историческими исследованиями, практическая реализация ее на местах еще не получила достаточного освещения. Материалы Нижнего Поволжья по истории государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в современных исследованиях не затрагивались, что определяет научную актуальность данной работы.

Объектом исследования в данной работе выступает государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству во второй половине XVIII–начале XX вв.

Предметом исследования является практическая реализация государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском регионе в указанный период.

Степень научной разработки темы. Историографию темы можно разделить на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный.

В свою очередь в историографии дореволюционного периода можно выделить два основных направления, характеризующихся определенными взглядами авторов на вопрос взаимоотношения староверия с властями: официальное (консервативное, охранительное, богословское) и демократическое (почвенническое, либеральное).

Труды авторов, которых можно отнести к *официальному направлению* историографии, характеризуют, прежде всего, негативное отношение к расколу и старообрядчеству, которое трактуется почти исключительно с религиозной точки зрения.

Большинство авторов данного направления, особенно начального периода историографии, являлись духовными лицами. Одной из первых серьезных работ по истории старообрядчества, в которых затрагивались вопросы государственных мер, стала изданная в 1855 г. «История русского раскола,

известного под именем старообрядства» епископа Винницкого Макария Булгакова, историка церкви, богослова, автора фундаментальной «Истории русской церкви»¹.

Характерными для этого этапа историографии являются труды писателя, доцента кафедры истории и обличения русского раскола Санкт-Петербургской Духовной Академии П.С. Смирнова², работы которого насыщены обвинительным пафосом.

Среди работ официального направления историографии, посвященных непосредственно истории реализации государственной политики по отношению к старообрядчеству, следует особенно выделить восьмой том «Истории Министерства внутренних дел» доктора права и философии, чиновника особых поручений Николая Васильевича Варадинова³. Как чиновник Варадинов оправдывал любые действия правительства, направленные на борьбу со старообрядчеством, однако личная позиция в работе не прослеживается.

Одной из первых серьезных работ по истории старообрядчества в Саратовском крае, относящихся к официальному направлению историографии, является ряд статей профессора Казанского университета И.М. Добротворского под общим названием «Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию»⁴. Основными источниками для Добротворского послужили рукопись Саратовского епископа Иакова Вечеркова и изданная в Петербурге книга настоятеля иргизской общины Сергия Юршева «Зеркало для старообрядцев»⁵.

Более поздним примером, взвешенным и обладающим несомненно большей научной ценностью, является краткая работа саратовского историка и статиста А.Ф. Леопольдова «О расколе по Саратовской епархии. 1839 г.»⁶.

К моменту 200-летия раскола Русской православной церкви историческая мысль разразилась огромной массой работ, большая часть из которых составила демократическое направление историографии. В расколе стали находить политические тенденции и отвергали взгляд официальной историографии. На старых положительных к староверию позициях остался П.И. Мельников⁷, которого поддерживала «Северная Пчела». Ему жестко

¹ См.: Макарий Булгаков, еп. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.

² См.: Смирнов П.С. Из истории полемики с расколом // Православное обозрение. 1889. № 5; Он же. История русского раскола старообрядства. СПб, 1895; Он же. Из истории раскола первой половины XVIII века по неизданным источникам. СПб., 1908; и др.

³ См.: Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная, книга. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.

⁴ См.: Добротворский И.М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник. 1857. Кн. 2. С. 376.

⁵ См.: Сергий, иером. Зеркало для старообрядцев, не покоряющихся православной церкви. СПб., 1799.

⁶ См.: Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839.

⁷ См.: Мельников П.И. Искание старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства. СПб., 1868. Он же. Счисление раскольников // Русский вестник. 1868. № 2; Он же. Очерки поповщины // П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений в восьми томах. М., 1976. Т. 7; Он же. Письма о расколе // П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений в восьми томах. М., 1976. Т. 8 и др.

противостоял А.П. Шапов⁸ с либеральной газетой «Современное слово»⁹, который, как и В.И. Кельсиев¹⁰, рассматривал старообрядчество как «народную силу»¹¹.

Однако данное направление историографии не исчерпывается лишь «народническим» отношением к староверию. Сюда же можно отнести и ряд трудов исключительно научного характера, без четко выраженной субъективной оценки.

К авторам демократического направления историографии, не подверженных субъективным суждениям, можно отнести статьи саратовского краеведа, члена СУАК Александра Лебедева. Среди множества его кратких сообщений по истории Иргиза наиболее показательны статья «К истории старообрядчества на Иргизе»¹² и, основанная на архивах СУАК, работа «Материалы для истории раскола в Поволжье»¹³.

Крупнейшей работой данного этапа историографии является публикация диссертации магистра богословия Н.С. Соколова «Раскол в Саратовском крае»¹⁴.

Историография старообрядчества и государственной конфессиональной политики в *советский период* характеризовалась, прежде всего, системой взглядов, согласных марксистской методологии. Религиозные вопросы изучаемых процессов либо отходили на внешний план, либо вовсе не затрагивались. В соответствии с этим раскол и дальнейшая история старообрядчества чаще всего рассматривалась советскими авторами как одна из форм антифеодального протеста¹⁵, а отношение к государственной конфессиональной политике было негативным.

Крупный вклад в изучение начального периода староверия внес Н.И. Никольский¹⁶, рассматривавший раскол в виде противостояния социальных групп: остатков боярской знати, стрелецкого служилого сословия, а несколько позже – посадских людей и крестьянства. Эти социальные группы населения Никольский считает враждебными дворянскому государству и уход в старообрядчество, таким образом, борьбой как с позицией господствующей церкви, так и с государством.

Для изучения саратово-самарского старообрядчества советский период историографии начался после открытия 20 марта 1919 г. Пугачевского краеведческого музея, в который первоначально попало большинство

⁸ См.: Шапов А.П. Раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859; *Он же*. Земство и раскол. СПб., 1862.

⁹ Стебницкий М.С. С людьми древляго благочестия. СПб., 1863. С. 7.

¹⁰ См.: Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Вып. 1; 1861. Вып. 2.

¹¹ См.: Ливанов В.Ф. Раскольники и острожники. СПб., 1869. С. 537-539.

¹² См.: Лебедев А.К истории старообрядчества на Иргизе. М., 1911.

¹³ См.: Лебедев А. Материалы для истории раскола в Поволжье: краткий очерк истории Иргизских раскольничьих монастырей. Саратов, 1910.

¹⁴ См.: Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Саратов, 1888. Т. 1. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия.

¹⁵ См.: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. Новосибирск, 1974.

¹⁶ См.: Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.

рукописных источников из иргизских обителей.

Наиболее серьезные труды в это время были написаны, но, к сожалению, не полностью изданы преподавателем Самарского госуниверситета Н.А. Архангельским, который описал некоторые дела архива Самарской удельной конторы и Саратовской Духовной консистории. В работах Архангельского затрагивались вопросы сопротивления староверов Иргиза притеснениям со стороны властей¹⁷.

Современная историография характеризуется как многоплановостью тем, так и разнообразием научных интересов авторов. Историки, философы, экономисты, социологи рассматривают историю старообрядчества с различных сторон.

Одним из современных исследователей, попытавшихся охватить всю полноту исторического и философского знания об истории старообрядчества, стал В. Сенатов, который вслед за старообрядческими авторами доказывает преемственность староверия дониконовскому православию¹⁸. Таким образом, под «раскольниками» подразумевается не старообрядчество, а господствующая церковь. Близкую в определенном смысле позицию занял В.В. Керов¹⁹.

Интерес к историческому изучению старообрядчества в Саратово-Самарском Поволжье начинает возобновляться к середине 90-х годов. Одними из крупных работ по истории церковной истории Саратовского края, в которых затрагиваются вопросы существования старообрядчества, стали исследования вольского священника М. Воробьева²⁰. В трудах Воробьева история старообрядчества соотносится с развитием религиозной ситуации в крае и общегосударственной конфессиональной политикой.

Итогом серьезной исследовательской работы самарского исследователя С. Ряжева стала кандидатская диссертация²¹, посвященная истории иргизских старообрядческих общин. Автор подробно рассматривает процесс колонизации староверами Саратовского Заволжья. Отдавая дань традициям советской историографии, Ряжев рассматривает раскол в виде протеста, однако намного шире общепринятого, доказывая, что устойчивость и активность развития старообрядческого движения отражали не только кризис господствующей церкви, но противоречие «народной культуры» и

¹⁷ См.: *Архангельский Н.А.* О сопротивлении старообрядцев при обращении Средне-Никольского монастыря в единоверческий: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив. № 4; *Он же.* К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара, 1923.

¹⁸ См.: *Сенатов В.* Философия истории старообрядчества. М., 1995.

¹⁹ См.: *Керов В.В.* Конфессиональные факторы старообрядческого предпринимательства: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/87-1-0-581>. – Загл. с экрана; *Он же.* «И правила разумеет...». Массовость конфессионального творчества староверов и его факторы: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/92-1-0-761>. – Загл. с экрана; *Он же.* Новый строй личности и новый тип религиозности в старообрядчестве: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/177-1-0-576>. – Загл. с экрана; *Он же.* Старообрядческое предпринимательство: «мифы» и «легенды» англо-американской историографии: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB5/kerov.htm>. – Загл. с экрана.

²⁰ См.: *Воробьев М.* Православное краеведение: Исторические очерки. М., 2002; *Он же.* Вольские храмы и их строители. Саратов, 2008.

²¹ См.: *Ряжев А.С.* Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII–первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

«официальной».

Своеобразным итогом исследования истории самарского старообрядчества стала диссертация С.А. Обухович «Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX–начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края»²², в которой значительное внимание уделено и иргизскому центру староверия. Автор вполне обоснованно рассматривает этапы существования староверия на Иргизе и в Хвалынске (скиты Черемшан) в зависимости от государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству.

Кроме российской эмигрантской литературы по истории старообрядчества²³, в основном ранний его период привлекал внимание и *зарубежных авторов*.

Одним из основополагающих трудов по истории раскола и жизни одного из его главных действующих лиц – протопопа Аввакума является исследование Пьера Паскаля «Аввакум и начало раскола»²⁴. Автор, не совсем впрочем обоснованно, сравнивает начальное старообрядчество с движением янсенистов внутри католичества и восхищается Аввакумом. «Оппозиционный» характер деятельности Аввакума привлекал зарубежных авторов и ранее, в биографической работе «Жизнь первосвященника Аввакума»²⁵.

К эсхатологическому учению старообрядчества и взаимосвязи его с отрицанием староверами некоторых согласий (в частности, Выговских общин) государства обращался Р.О. Крумми²⁶.

Зарубежная историография старообрядчества невелика и не имела большого значения для отечественных авторов, однако оказала существенное влияние на исследователей-эмигрантов XX в.

Цель данного исследования – представить процесс реализации государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье, выделив при этом как закономерные черты, так и специфические, свойственные лишь рассматриваемому региону.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие **задачи**:

- определить значимость для старообрядчества Саратово-Самарского Поволжья указа Екатерины II 1762 г., имеющего непосредственное отношение к процессу колонизации региона и массового расселения здесь старообрядчества;
- проанализировать взаимоотношения с властями (как на государственном, так и местном уровне) одного из крупнейших центров староверия – иргизских старообрядческих монастырей;
- представить практическую реализацию репрессивной по отношению к

²² См.: Обухович С.А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX–начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

²³ См. напр.: Zenkovsky S.A. Der Monch Epifanij und die Entstehung der alfrussischen Autobiographie // Die Welt des Slaven. Wiesbaden, 1956; Cherniavsky M. Old Believers and the New Religion // Slavic Review. 1966; и др.

²⁴ См.: Pascal P. Avvakum et les debuts du Raskol. Paris, 1963.

²⁵ См.: The Life of the Archpriest Avvakum by Himself. With a Preface by Prince D.S. Mirsky. London, 1924.

²⁶ См.: Crumme R.O. Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State, 1694-1855. Wisconsin U. Press, 1970.

старообрядчеству политики Николая I на местах;

- раскрыть роль миссионерской деятельности православной церкви среди старообрядчества Саратово-Самарского Поволжья в комплексе государственных мер, направленных на борьбу со староверием;

- проанализировать изменение законодательства по отношению к старообрядчеству в конце XIX–начале XX в.;

- показать характер Указа 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и реакцию на него староверов рассматриваемого региона.

Источниковая база диссертации. При изучении государственной внутренней политики особое значение приобретают *законодательные акты*, опубликованные в нескольких полных собраниях законов Российской империи²⁷, специальных сборниках²⁸ и отдельных публикациях²⁹.

Исходя из цели исследования, анализу подвергалась в основном законодательная активность Правительствующего Сената и императора. В меньшей степени привлекались указы Святейшего Синода.

В исследовании нашли отражения большинство указов, повлиявших на существование староверия в рассматриваемом регионе. Одной из задач исследования стал анализ практического исполнения государственного законодательства в Саратово-Самарском Поволжье.

Еще одним видом опубликованных источников, позволяющим выявить географию распространения староверия в рассматриваемом регионе, оценить его значимость среди населения и т. д., являются *статистические данные*, прежде всего документы церковного и административного учета населения. Среди таковых можно назвать общие статистические сборники по Самарской³⁰ и Саратовской губерниям³¹. Также в работе использованы специальные, тематические статистические исследования³² и официальные отчеты епархиальных миссионеров.

Немаловажной группой источников, по большей части опубликованных, для данной работы послужили *источники личного происхождения*, различные по характеру отношения к староверию и проводимой в отношении него политики.

Для анализа Указа 1762 г. «О расселении старообрядцев, покинувших свое Отечество, на Иргизе и в других местностях России», основным источником послужили «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина»³³, которые

²⁷ См.: Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830.

²⁸ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1881; и др.

²⁹ См.: Правила учреждения единоверия 1800 года: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/18/3/18001027.html>. – Загл. с экрана.

³⁰ См.: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1889. Т. 6 (Николаевский уезд).

³¹ См.: *Леопольдов А.Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии; Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859; Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860; Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год. Саратов, 1864. Ч. 1; Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Изд. Центрального статистического Комитета Министерства внутренних дел. 1862.

³² См.: Современный раскол. Повременные выпуски. СПб., 1903. Т. 3.

³³ См.: *Державин Г.Р.* Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина. СПб., 1859.

также позволяют установить теснейшую связь восстания Е. Пугачева с поволжским староверием. Однако в советской и современной историографии эта связь неоднократно подвергалась сомнению³⁴.

В воспоминаниях саратовского губернатора А.М. Фадеева немалое внимание также уделено существованию староверия в крае³⁵.

Несколько мемуарных записок касаются самого трагичного момента в судьбе иргизской братии периода правления Николая I – насильственного перехода в единоверие, осуществленного, как явствует из воспоминаний сына Саратовского губернатора П.А. Степанова³⁶ и протоиерея Г.И. Чернышевского³⁷, с помощью физического принуждения. Альтернативная версия представлена в воспоминаниях штаб-офицера Отдельного Корпуса жандармов Э.И. Стогова³⁸. Неизвестный старообрядческий автор, по утверждению Ю.Д. Рыкова, – свидетель событий, также оставил свои воспоминания, немногим отличающиеся от официальных епархиальных отчетов³⁹.

Из личных писем государственных и церковных деятелей были использованы записки Екатерины II⁴⁰, письма великого князя Александра Николаевича к императору Николаю I⁴¹, архив общественного деятеля, журналиста и публициста Виктора Александровича Гольцева⁴², архив Белокриницкого митрополита Амвросия⁴³ и некоторые др.

При всей значимости опубликованных источников основная ценность и информационная насыщенность содержится в неопубликованных источниках – *архивных документах и рукописях* научных фондов краеведческих музеев.

При написании данной работы были использованы фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Саратовской области (ГАСО), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Вольского и Пугачевского филиалов ГАСО (ВФГАСО и ПФГАСО соответственно), а также научные фонды краеведческих музеев г. Вольска и Пугачева Саратовской области.

РГАДА представлен в работе фондами Преображенского Приказа и Тайной Канцелярии (Ф. 7), Духовного ведомства (Ф. 18), Раскольнической конторы

³⁴ См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 223. Док. № 9.

³⁵ См.: *Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790-1867.: В двух частях. Одесса, 1897.

³⁶ См.: *Степанов П.А.* Взятие у старообрядцев Иргизского монастыря в 1836 г. // *Русская старина.* 1879. Т. XXIV. Кн. 3. С. 552-554.

³⁷ См.: *Чернышевский Г., прот.* Историческое описание обращения Средне-Никольского, что на Иргизе, раскольнического монастыря в Единоверческий: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив. № 6.

³⁸ См.: *Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003.

³⁹ См.: *Рыков Ю.Д.* Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.).* М., 1999.

⁴⁰ См.: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // *Сборник Русского исторического общества.* СПб. 1871-1885. Т. VII; *Записки императрицы Екатерины II.* М., 1990.

⁴¹ См.: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

⁴² См.: Архив В.А. Гольцева. М., 1914. Т. 1.

⁴³ См.: *Попов К.* Архив раскольнического митрополита Амвросия. Ставрополь, 1893.

(Ф. 288) и Новоуложенной комиссии (Ф. 342).

В основном это дела второй половины XVIII в., освещающие вопросы судебного преследования староверов, сбора двойной подушной подати со старообрядцев, штрафов, статистические данные, полученные в результате ревизий.

Использованные в работе документы ГАРФ зачастую более конкретизированы и подробны. Так, например личные фонды А.И. Гучкова (Ф. 555) и А.Ф. Кони (Ф. 564) содержат довольно много информации о преследованиях староверов со стороны государственной и духовной власти. Информация о государственном контроле за старообрядчеством, в том числе и в условиях «свободы вероисповедания» после Указа 1905 г., содержится в фонде Департамента полиции МВД (Ф. 102). Новое осмысление государственной конфессиональной политики во второй половине XIX в. нашло отражение в делах фонда великого князя Константина Николаевича или иначе Мраморного дворца (Ф. 722).

При всей ценности документов центральных архивов они не позволяют изучить местную специфику реализации государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству. Для этого в работе привлекались документы областных архивов и их филиалов.

В фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) отложилась большая часть дел, касающихся иргизских старообрядческих монастырей. Собрание документов канцелярии Саратовского губернатора (Ф. 1) – наиболее полное по изучаемой теме⁴⁴.

Гораздо более многочисленны документы духовных учреждений губернии. Фонд Саратовской Духовной Консистории (Ф. 135) включают в себя отчеты миссионеров и приходского духовенства, переписку с губернатором по делам старообрядчества, а также численность староверов, согласно информации епархиального руководства. Эти данные существенно дополняют документы фонда Вольского духовного правления (Ф. 849).

Коллекция документов, связанных с деятельностью Саратовской ученой архивной комиссии⁴⁵, отложилась в одноименном фонде (Ф. 407), который содержит ряд рукописей неопубликованных трудов членов СУАК и других исследователей: А.Н. Минха, А.Ф. Леопольдова и т. д., что представляет немаловажный фактический и историографический интерес. Однако ценность комплекса саратовских документов серьезно снижается из-за его фрагментарности, ввиду утери множества архивных дел, о чем сокрушались исследователи еще в конце XIX в.⁴⁶

Документы самарского областного архива (ЦГАСО), использованные в виде источника, в данном исследовании сосредоточены в трех группах фондов: гражданских властей (Ф. 1 – Самарского губернского правления; 153 – Самарская городская управа); духовных учреждений (Ф. 208 – Саратовского епархиального миссионерского совета; 356 – канцелярии епископа Самарского и Ставропольского) и научного сообщества (Ф. 558-Р – Самарского научного

⁴⁴ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49, 132, 281, 343.

⁴⁵ Открыта 12 декабря 1886 г.

⁴⁶ См.: *Соколов Н.С.* Указ. соч. С. XX.

краеведческого общества).

Некоторой особенностью источников самарского областного архива можно считать довольно новую хронологию документов, что связано, прежде всего, с поздним открытием губернии и Самаро-Ставропольской епархии⁴⁷. Однако документы начала XX в. представлены гораздо полнее, нежели в фондах саратовского архива.

Интерес из-за малодоступности и неизученности представляют также документы районных архивов наиболее приближенных, в отличие от Самары, а тем более Саратова, к центру распространения староверия в регионе – Иргизу. Прежде всего, это филиалы ГАСО в Вольске и Пугачеве.

Хронологические рамки исследования определяются периодизацией государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству. Начальная граница – 1762 г., соответствует поворотному моменту в государственной конфессиональной политике, который начался с либеральных инициатив Петра III, реализованных, исходя из прагматических соображений, Екатериной II, стремившейся создать для староверов условия, необходимые для их переселения на пустующие земли империи. Конечной датой исследования определен 1917 г. – время разрушения выстроенной в начале XX в. юридической системы взаимоотношений государства и старообрядчества.

При этом также следует учесть, что указанные рамки, при рассмотрении некоторых процессов государственной конфессиональной политики, фактически оказываются несколько шире.

Географические рамки исследования охватывают регион нынешнего Саратовского и Самарского Поволжья. Объединение двух областей в общую географию изучения продиктовано в первую очередь тем, что иргизские старообрядческие монастыри, отношение властей к которым занимает центральное место в данном исследовании, в разное время своего существования принадлежали и Саратовской, и Самарской губерниям. Комплексы документов Государственного архива Саратовской области (далее ГАСО) и Центрального государственного архива Самарской области (далее ЦГАСО), в которых содержатся материалы, отражающие взаимоотношения поволжского старообрядчества и власти, дополняют друг друга.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научной объективности и системности, что обусловило изучение различных явлений и исторических процессов во взаимосвязи их развития, с учетом взаимовлияния их друг на друга, на основе комплексного анализа источников различных видов. Таким образом, реализация государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в регионе изучалась в связи с развитием взаимоотношений государства и господствующей церкви, церкви и старообрядчества. Использование микроисторического подхода позволило выявить региональную специфику изучаемых вопросов.

В исследовании использовались как общенаучные, так и исторические методы. Среди первых: логический, формально-количественный, дедукция,

⁴⁷ С 1 января 1851 г.

индукция и др. Для анализа характера реализации конфессиональной политики в регионе был использован историко-сравнительный метод. Для выявления причин принятия тех или иных решений использовался историко-генетический метод.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые комплексно исследована государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратовско-Самарском регионе в рамках большого хронологического периода с середины XVIII до начала XX в. Впервые на примере реализации государственного конфессионального законодательства в изучаемом регионе определен характер политики по отношению к староверию для всех выделенных этапов ее развития. В рамках диссертации выявлена специфика реализации государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в Саратовско-Самарском регионе. Впервые определена конкретная значимость ряда основных законопроектов для поволжского старообрядчества, определена роль священноначалия господствующей церкви в реализации конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству, в том числе в виде миссионерской деятельности.

Научную новизну диссертационной работы подчеркивает привлечение автором широкого круга преимущественно неопубликованных архивных материалов.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее материалов и выводов, сделанных автором, в научной и преподавательской деятельности, при подготовке курсов по краеведению, истории России, а также при разработке специальных курсов и семинаров по истории Русской православной церкви и истории старообрядчества в России.

Апробация исследования. Основные положения диссертации отражены в одиннадцати публикациях, в том числе в монографии «Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью», а также излагались автором на ряде международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры историографии и региональной истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и рекомендована к защите.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность темы, хронологические и территориальные рамки, дан анализ историографии, сформулированы цели и задачи работы, определены ее методологические основы, дана характеристика источников, отмечены практическое значение и научная новизна.

Первая глава «Старообрядчество и власть: рационализм отношений. 1762–1825 гг.» посвящена государственной конфессиональной политике по отношению к старообрядчеству, проводимой Екатериной II, императорами

Павлом и Александром I.

В первом параграфе «Указ 1762 г. Начало массовой старообрядческой колонизации Саратовского края» рассматривается реализация Екатериной II либеральных инициатив Петра III по отношению к старообрядчеству, в частности принятие Указа 1762 г. «О позволении раскольникам выходить и селиться в России», положившего начало массового заселения староверами Саратовского края.

Исследовательская литература предоставляет достаточно оснований, чтобы утверждать, что к середине XVIII в. старообрядчество уже довольно активно колонизировало Саратовское Заволжье. Первым исследователем, предположившим, что саратовское Поволжье заселялось староверами еще с начала XVIII в., был член Саратовской ученой архивной комиссии Н.С. Соколов⁴⁸. Член СУАК А.А. Гераклитов в «Истории Саратовского края в XVI–XVIII веках», нашел подтверждение поселениям старообрядцев в первой половине XVII в. в ревизских сказках третьей ревизии⁴⁹. Среди древнейшей географии расселения старообрядцев на территории Саратовского края Н.С. Соколов называет Вольский уезд (с. Воскресенское), и Хвалынский (сс. Сосновый Остров, Самодуровка, Апалиха, Сосновая и Окатная Мазы), а также окрестности Саратова (Баранников и Мячев Буераки)⁵⁰, то есть северные районы саратовского края. Из этого обстоятельства Соколов делает гипотетический вывод о том, что первое появление староверов на территории Саратовского Поволжья связано с выходцами из Керженских старообрядческих скитов, спасающихся от притеснений епископа Нижегородского и Алатырского Питирима⁵¹. Анализ географии распространения старообрядчества в исследуемом регионе подтверждает мнение Н.С. Соколова. Исключением является лишь село Золотое Камышинского уезда (южный)⁵².

Однако однозначно согласиться только лишь с Нижегородским источником старообрядчества для Саратовского Поволжья все же нельзя. После Указа 1762 г. именно польские беглецы составили основную часть старообрядческого населения знаменитых Иргизских монастырей и окрестных поселений, которые стали средоточием староверия в Поволжье⁵³.

Жестокое изгнание старообрядцев из центра староверия на Ветке вполне укладывается в общую концепцию государственной политики по отношению к старообрядчеству Екатерины II. Нельзя согласиться с мнением о следовании императрицы «либеральному направлению в старообрядческом вопросе»⁵⁴. Гораздо более убедительным выглядит мнение о том, что общей тенденцией правительства Екатерины II было «заселение пустующих земель, вызов на них

⁴⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. С. 496.

⁴⁹ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII веках. Саратов, 1923. С. 334.

⁵⁰ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 19-20.

⁵¹ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 57.

⁵² Там же. Л. 164.

⁵³ Это видно, например, из «Обывательской книги 1796 г. г. Волгска», где есть целый раздел «выходцев из Польши». (См.: Вольский филиал ГАСО. Ф. ОДФ-1. Оп. 1. Д. 1).

⁵⁴ Савенкова С.Р. История развития правительственной и церковной политики по старообрядчеству в России с 1667 по 1800 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. С. 16.

таких колонистов, поселение которых не наносило бы ущерба помещичьему владению»⁵⁵, то есть естественные надобности колонизации окраинных земель и увеличение численности населения империи⁵⁶. Непосредственно же о либерализации государственной политики по отношению к старообрядчеству возможно говорить лишь применительно к недолгому царствованию Петра III, и то с известными оговорками. Екатерина II продолжила многие инициативы Петра III, в том числе и колонизаторскую политику привлечения в Поволжье населения, имевшего желание поселиться в России.

Инициатива переселения, по всей видимости, пришла с самого Поволжья. По воспоминанию известного поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина автором проекта поселения беглых староверов на Иргизе был крестьянин села Малыковки (ныне г. Вольск) Иван Серебряков⁵⁷. Настойчивость, с которой Серебряков добивался рассмотрения инициативы переселения, а главное точность в указании места и времени предоставления проекта перед окончательным разгромом Ветки, заставляют согласиться с мнением, что Серебряков поддерживал связь и с польскими староверами, и с беглыми в самом Заволжье и действовал в соответствии с их интересами⁵⁸.

Указ 14 декабря 1762 г. остается в литературе не более чем очередным этапом заселения Поволжья. Однако представляется, что именно он послужил основным источником для колонизации Саратовского края в XVIII в. В окрестностях Иргиза образовалось несколько старообрядческих селений: Криволучье, Балаково, Каменка и Мечетное (ныне г. Пугачев); и шесть монастырей – четыре мужских и два женских: Пахомиев-Филаретов скит (позднее Средне-Никольский монастырь напротив слободы Мечетной – нынешний г. Пугачев), Исаакиев скит (Верхне-Спасопреображенский монастырь), Авраамиев (Нижне-Воскресенский) и женские – Маргаритин и Анфисин скит (Успенский монастырь).

Женские обители, основанные на землях соседних мужских монастырей играли несущественную роль в образовании Иргизского старообрядческого центра, тогда как история мужских, а вместе с ними окрестных староверческих общин, показательна в плане реализации государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в Самаро-Саратовском Поволжье вплоть до 40-х годов XIX в.

Оценивая значение образования Иргизского старообрядческого центра для Саратовского края нельзя не признать, что Указ 1762 г. явился одним из основных законоположений, на основе которого проводилась колонизация Заволжья. Однако практически это касалось лишь первой волны вернувшихся из Польши староверов, то есть тех, кто основал иргизские монастыри и прилегающие староверческие селения. В дальнейшем сами обители стали притягательным местом для старообрядцев России, селившихся либо в самих монастырях, либо в их окрестностях.

Во втором параграфе *«Центр старообрядчества на Иргизе: значение и*

⁵⁵ Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 366.

⁵⁶ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 85.

⁵⁷ См.: Державин Г.Р. Указ. соч. С. 415.

⁵⁸ См.: Воробьев М. Православное краеведение. С. 15.

взаимоотношения с властями» рассмотрен процесс становления иргизского центра старообрядчества как пример реализации государственной конфессиональной политики по отношению к староверию в рассматриваемом регионе. Основное внимание уделялось взаимоотношению Иргиза с местными и центральными властями.

Правление Екатерины II внесло в государственную конфессиональную политику по отношению к старообрядчеству новый фактор рациональности. Однако зачастую законодательство относительно староверия носило прецедентный характер. Несмотря на сложившееся мнение в литературе, посвященной истории староверия, особенно простарообрядческой, о том, что государственное правительство неизменно придерживалось притеснения староверия в своей церковной политике, анализ некоторых аспектов существования Иргизского старообрядчества позволяет несколько пересмотреть такой упрощенный подход. Так, например, на восстановление сгоревших храмов Верхне-Спасопреображенской обители, как не без благодарности отмечают сами староверы, главным вспоможением стал богатый вклад императора Павла Петровича⁵⁹, составивший общей сложностью 12 000 рублей⁶⁰.

Иргизское старообрядчество сумело крайне гармонично влиться в социальную и политическую жизнь Поволжья, сумело выстроить настолько положительные отношения с местными светскими властями, что, несмотря на многие попытки уничтожить этот центр староверия, они смогли увенчаться успехом лишь в первой половине XIX в., благодаря энергии и воле Саратовского архиерея Иакова Вечеркова. В 1779–1780 гг. Иргиз смог приобрести практически монополию на «поставку» старообрядческого священства по всей России, обойдя в этом вопросе такие крупные центры староверия, как Рогожское кладбище и Керженец. Также Иргиз приобрел громкую известность в старообрядческом мире, из-за стечения сюда разного беглого и разбойного люда⁶¹. С иргизскими старообрядческими монастырями связана деятельность Емельяна Пугачева. Наконец наиболее активно поисками старообрядческого архиерея в середине XIX в. занимались выходцы с Иргиза. В 1864 г. эти поиски завершились образованием полноценной белокриницкой старообрядческой иерархии (ныне РПСЦ).

Одним из последних «нововведений» в государственной политике Екатерины II по отношению к старообрядчеству явилось юридическое закрепление единоверия в 1785 г.⁶² Развитие единоверия вызвало внутри довольно большой части старообрядчества желание позаимствовать у господствующей церкви канонических архиереев, подчиняющихся непосредственно Правительствующему Сенату и фактически вышедших из юрисдикции православной церкви⁶³. Государственная власть вскоре стала

⁵⁹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 77.

⁶⁰ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 168.

⁶¹ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 783. Л. 1. По свидетельству А.Н. Минха в его рукописи «Материалы для истории раскола в Саратовском крае» «эти монастыри служили приютом беглым, бродягам иногда и преступникам».

⁶² См.: Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 47.

⁶³ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 306. Л. 3-10

использовать единоверие как действенный метод борьбы со старообрядчеством.

Официальное оформление единоверия завершилось в 1800 г., когда группа московских староверов подала прошение Московскому митрополиту Платону Левшину со списком условий присоединения к православной церкви. Изначально «стихийное» единоверие рассматривалось как вполне допустимая альтернатива господствующей церкви, обладающая той же степенью каноничности. Однако анализ «Правил учреждения единоверия» позволяет сделать вывод, что иерархи господствующей церкви решили использовать единоверие в качестве своеобразного миссионерского проекта как переходную ступень к присоединению к православной церкви. Соответственно, ни о каком каноническом равнозначии единоверия и синодального православия не могло быть и речи, что получило подтверждение в законодательстве.

Историческая судьба Иргиза отразила все изменения государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству. Так практически все свое недолгое царствование император Павел открыто покровительствовал Иргизу. Один из настоятелей монастырей Прохор лично встречался с императором⁶⁴, после чего последовал ряд монарших милостей, вплоть до отмены рекрутского набора из рядов иргизской братии.

Основной силой монастырей на тот момент стали крепкие связи, установившиеся не только с местным, но и всероссийским старообрядческим купечеством. Официально же главный экономический достаток Иргиза составляли земли, намежеванные по Указу 1762 г.⁶⁵

Не считая дохода от земли и рыбных угодий, Иргизские монастыри постоянно получали богатые дары от именитых купцов Волгска и Саратова: В.А. Злобина, Расторгуевых, Волковоиновых, Сапожниковых. Неудивительно поэтому, что экономическое и идейное влияние Иргиза на окрестных жителей все возрастало. Об этом можно судить, сравнив численность старообрядческого населения до и непосредственно после приведения Иргиза в единоверие. Так по официальным данным в Саратовской губернии в 1833 г. насчитывалось 42837 староверов⁶⁶. В 1839 г., то есть тогда когда иргизские монастыри были приведены в единоверие, численность староверов по губернии еще более возросла. В Саратове – 3183 старообрядца, в Вольске – 5123, в Камышине – 261, в Царицыне – 46⁶⁷, что связано с активной проповедью иргизской братии, лишившейся монастырей и разошедшейся по селениям края.

В 1780 г. установилось окончательное господство иргизской общины над всеми центрами староверия в России через установление монополии на «производство» священников. «Перемазывание» перешедших из господствующей церкви стало для беглопоповского старообрядческого согласия единственной возможностью иметь своих священников при отсутствии архиереев.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3577. Л. 1-2 об.

⁶⁵ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 80-84.

⁶⁶ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 6-11.

⁶⁷ См.: *Леопольдов А.Ф.* О расколе по Саратовской епархии. 1839 г. // Труды СУАК. 1903. Вып. 23. С. 5.

К началу царствования императора Николая I Иргиз в экономическом, через свое превосходное хозяйственное состояние, и идеологическом, через монополию «производства» священников для староверов России, стал крупнейшим старообрядческим центром.

Фактическое невмешательство государства в конфессиональные противоречия между старообрядчеством и господствующей церковью во время правления Петра III, Екатерины II и императора Павла негативно отразилось именно на последней, тогда как староверие наоборот воспользовалось всеми преимуществами даже такого прагматического отношения.

Вторая глава «Репрессии светской власти и миссионерское служение Православной церкви. 1825 г.–вторая половина XIX в.» посвящена пожалуй самому трагическому времени существования старообрядчества после гонений царевны Софьи – репрессиям Николая I. Также в данной главе рассматривается борьба господствующей церкви со староверием, главным образом, через активную миссионерскую деятельность.

В первом параграфе *«Репрессивная политика Николая I по отношению к старообрядчеству»* на примере насильственного приведения Иргизского старообрядческого центра в единоверие рассматривается реализация жестких мер по борьбе со староверием в регионе.

Анализ политики николаевского правительства по отношению к расколу позволил И.К. Смоличу сделать вывод: «Целью этих репрессий было полное уничтожение раскола»⁶⁸. Однако в 1863 г. статистический комитет Министерства внутренних дел обнаружил, что к числу старообрядцев можно смело записать 10 % всего населения России⁶⁹, хотя другие источники приводят более низкие цифры, в частности, около 1,5 %⁷⁰, куда, по-видимому, не входят тайные староверы.

Одним из законодательных методов борьбы со старообрядчеством правительство Николая I признало запрет староверам занимать государственные чиновничьи должности, в том числе и выборные. Таким образом, в абсолютно неравные социальные условия ставились православные господствующей церкви и старообрядцы. В Саратовской губернии запрет на занятия староверами выборных государственных должностей не выполнялся 15 лет, вплоть до 1835 г. Однако в случае реализации запрета правительству пришлось пойти на некоторые уступки, поскольку число старообрядцев в некоторых селениях края было настолько значительным, что на выборные должности не хватало прихожан господствующей церкви, соответствующих имущественному и иным критериям.

Как видно, данная мера явилась для правительства еще одним методом борьбы с распространением старообрядчества среди православного населения наравне с запрещением строить храмы. Трезво оценивая ситуацию в некоторых регионах, царское правительство хотя и делало некоторые послабления, но также использовало все возможные средства, дабы не допустить численного увеличения старообрядчества.

⁶⁸ См.: Смолич И.К. История русской церкви, 1700–1917 // История русской церкви. М., 1997. Кн. VIII. Ч. 2. Примечания. С. 147.

⁶⁹ См.: Мельников П.И. Счисление. С. 400-409.

⁷⁰ См.: Янсон Ю. Сравнительная статистика России. СПб., 1878. Т. 1. С. 130.

Несмотря на общий репрессивно-полицейский характер политики по отношению к старообрядчеству при императоре Николае I, выражавшемся в полном контроле и уничтожении староверия, конкретные меры на местах, например, в Саратовской губернии, напрямую зависели от представителей светской и духовной губернской власти.

Первую мирную попытку привести Иргиз в единоверие предпринял в 1827 г. саратовский губернатор А.Б. Голицын, заставивший принять единоверие братию Нижне-Воскресенского монастыря в 1829 г.

Следующий этап приведения Иргиза в единоверие начался в 1833 г., когда на заволжских староверов вновь обратил свое внимание столичный секретный Комитет по делам раскола, а саратовскую кафедру занял епископ Иаков Вечерков, который сумел организовать как разветвленную миссионерскую службу среди староверов, так и провести несколько репрессивных акций по отношению к ним. Зимой 1837 г. саратовский губернатор А.П. Степанов при всемерной поддержке Иакова, с помощью казаков и пожарной команды сумел приступом взять Средне-Никольский монастырь и обратить его в единоверие⁷¹.

28 мая 1841 г. жителям Николаевска и насельникам оставшихся монастырей была объявлена высочайшая воля приведения оставшихся обителей в единоверие. Монахи, как и жители, помня жестокость губернатора Степанова, нисколько не сопротивлялись, и освящение монастырских церквей прошло беспрепятственно. Однако страх губернского начальства перед выступлениями старообрядцев был настолько силен, что в Верхне-Спасопреображенской обители была размещена военная команда⁷².

Уничтожение Иргиза привело к запустению возделанных ранее земель и разрушению архитектурно-художественных комплексов старообрядческих поселений⁷³. Однако при этом нельзя не учитывать, что с уничтожением иргизского староверческого центра в Саратовской губернии исчез также и центр средоточия беглого населения со всей России – постоянная угроза социальных потрясений в крае, что было особенно важно перед отменой крепостного права 1861 г.

Во втором параграфе *«Организация и развитие миссионерского служения Православной церкви среди старообрядцев»* рассматривается деятельность епархиальных миссионеров среди староверов края.

В период репрессий по отношению к староверию Николая I, когда основную роль в борьбе со старообрядчеством стало играть государство, господствующая церковь, отодвинутая таким образом на второй план, активизировала доступные ей средства, не пересекающиеся с законодательными государственными мерами. Прежде всего это миссионерское служение среди староверов. Следует признать, что миссионерская деятельность не носила в XIX в. исключительно конфессиональный характер. Епархиальные миссионеры также собирали

⁷¹ См.: Чернышевский Г., *прот.* Указ. соч. С. 3-5.

⁷² ПФГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 36. Л. 1-1 об.

⁷³ Кочергина М.В. Политика уничтожения старообрядческих духовных центров юго-запада России в середине XIX в. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII-XIX веков: Сб. ст. и мат. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 51.

статистические данные о староверах края, обращались к гражданскому начальству за помощью и т. д. То есть они не ограничивались лишь проповедью среди старообрядчества, но активно инициировали различные мероприятия, направленные на борьбу со старообрядчеством, в том числе репрессивного характера. Важно также отметить, что светское правительство, и в первую очередь император, во многом диктовал Святейшему Синоду условия и направление его миссионерской деятельности.

4 сентября 1833 г. Святейший Синод предписал Саратовскому епископу Иакову организовать в епархии миссию среди старообрядцев по примеру Пермской. Было избрано несколько епархиальных миссионеров, а также была организована православная миссия из уже сложившегося к тому времени так называемого «Общества благочестивых» или «Саратовского братства», куда входили «младший сын семьи Пономаревых, приехавший в Саратов в 1829 г., его друг Чекенев, купцы А.И. Залетнев, В.И. Крюков, Ф.И. Курбатов, Усов, Бакуров и мещанин П.И. Солохов – всего около 30 человек»⁷⁴. Миссия, состоявшая, как видим, в основном из мирян, главным образом направила свою деятельность на различные секты: Кабановскую, скопческую, «самосожигателей».

Некоторое организационное оформление миссионерской деятельности в Саратовской епархии по отношению к старообрядцам началось с создания Секретного Совещательного Комитета по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия. По характеру деятельности Комитет должен был стать местным «трибуналом» по делам веры с широкими полномочиями и средствами напрямую влиять на распространение старообрядчества и сектантства в Саратовском крае. Вплоть до 1858 г. Комитет под влиянием епископа Иакова строго и беспощадно следовал букве закона, когда это касалось наказания староверов за браки, не освященные господствующей церковью, устраивание домашних молелен и другие нарушения.

За период с 1836 по 1847 гг. в православие и единоверие в Саратовской епархии было приведено, по официальным данным, 18304 человека⁷⁵, однако это число складывалось не только из бывших староверов, но и сектантов, и иноверцев. Самое большее число побед саратовского миссионерства приходится на 1837 г. – 1957 человек.

Реализация жесткой политики Николая I по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском регионе имела свою специфику. В конфессиональной сфере общероссийское законодательство явно не являлось превалярующим для гражданских и церковных властей. Это доказывает как практика регулярного игнорирования указов со стороны губернаторских властей, так и практически самостоятельная деятельность саратовских архиереев, руководствовавшихся зачастую не предписаниями Священного Синода, а своими представлениями об эффективности борьбы со старообрядчеством.

Таким образом, в рассматриваемом регионе в реализации государственной конфессиональной политики главенствующая роль принадлежала позиции

⁷⁴ Рассказ очевидца о действиях преосвященного Иакова по обращению раскольников Саратовской губернии с 1832 по 1839 г. СПб., 1862. С. 6.

⁷⁵ См.: Там же. С. 1-2.

местной власти, а не общероссийскому законодательству.

Третья глава «Либерализация конфессиональной государственной политики по отношению к старообрядчеству в конце XIX – начале XX в.» посвящена так называемому «золотому веку» российского старообрядчества, когда либеральные инициативы Александра III и Николая II привели к расцвету староверия, укреплению его экономической и социальной роли в обществе.

Первый параграф *«Послабления в законодательстве о старообрядцах в конце XIX – начале XX в.»* посвящен анализу постепенной либерализации конфессионального законодательства по отношению к старообрядчеству, начиная с Указа 1883 г. и заканчивая указом *«О веротерпимости»* 1905 г.

С середины XIX в. государственная власть всерьез обеспокоилась реальной оценкой распространения старообрядчества в империи. Было организовано несколько экспедиций, в том числе и в Саратово-Самарское Поволжье под руководством А.И. Артемьева в 1854-1855 гг.⁷⁶ Выводы, сделанные известным статистом, послужили материалом для деятельности Комитета по делам о раскольниках и отступниках от православия во главе с великим князем Константином Николаевичем. Активизация работы комитета началась после просьбы московских староверов Рогожского кладбища о даровании им священников господствующей церкви, но подчиняющихся исключительно гражданскому начальству⁷⁷. Константин Николаевич принял сторону реформаторов и предложил отчет о работе и предоставил старообрядцам право иметь своих священников, не подчиняющихся господствующей церкви, но и фактически объявил для них свободу вероисповедания. Однако окончательное решение было принято под влиянием «партии» духовенства: положение старообрядчества осталось без изменений, а единоверие было признано единственной возможностью для староверов окормляться у православных священников.

Общая либерализация курса государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядцам, наступившая, как ни странно, в период контрреформ императора Александра III, на практике выразилась в принятии 3 мая 1883 г. закона *«О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб»*. Несмотря на жесткое сопротивление обер-прокурора Священного Синода Константина Петровича Победоносцева⁷⁸, Государственный Совет одобрил закон, который, по сути, декларировал новое отношение к староверам и закладывал основу для положительного решения *«старообрядческого вопроса»*, которое, тем не менее, последовало лишь в начале XX в.

У господствующей церкви в условиях нового светского законодательства, явно не хватало самостоятельных сил для давления на такое устойчивое конфессиональное образование как староверие. Единственным инструментом воздействия на старообрядчество стала миссионерская проповедь и церковно-приходское просвещение, особенно в сельской среде.

⁷⁶ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 37. Д. 273.

⁷⁷ См.: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 538. Л. 2-8 об.

⁷⁸ См.: Смолич И.К. Указ. соч. С. 148.

В 1880-х гг. была организована православная миссия в Самарской епархии, во главе которой стоял архиерей. В Самаре стали проводить епархиальные миссионерские курсы для священников и мирян, задействованных в миссионерском служении⁷⁹. В дальнейшем, в 1908 г., в епархии был организован Самарский миссионерский Совет⁸⁰.

Таким образом, новый либеральный политический курс по отношению к старообрядчеству должен был состояться в конце 50-х годов XIX в., однако твердая позиция священноначалия господствующей церкви не позволила реформаторам во главе с великим князем Константином Николаевичем провести конфессиональную реформу. Однако уже в 80-х годах необходимость послаблений для староверия была признана окончательно и в некотором виде оформилась в законе 1883 г.

Второй параграф *«Старообрядчество Саратово-Самарского Поволжья в условиях свободы вероисповедания»* посвящен анализу применения указа 1905 г. «О веротерпимости» в регионе.

Саратовские и самарские староверы, как и по всей России, встретили Указ 1905 г. с воодушевлением, однако на практике указ «О веротерпимости» отличался от закона Александра III 1883 г. лишь тем, что теперь старообрядческое духовенство исключалось из земского и крестьянского сословия и, соответственно, освобождалось от их повинностей. Также указ запрещал какие-либо преследования по отношению к перешедшим из православия в другую христианскую конфессию⁸¹.

Известный старообрядческий начетчик Федор Евфимьевич Мельников в подробном анализе Указа 1905 г. обоснованно замечает, что большая часть его пунктов предоставляла юридические лазейки, посредством которых исполнение «духа» Указа можно было бы обойти согласно «букве». Так, например, исключить из числа православных можно было по желанию тех, у кого предки или сами исповедовали «нехристианскую веру» до присоединения к православию⁸². Однако староверие, в юридическом отношении, не представляло собой «нехристианской веры», соответственно к нему указанный пункт не относился⁸³.

В новых юридических условиях существования старообрядчества у епархиальной власти, по всей видимости, не было достаточно эффективных рычагов давления на староверие. Имеющиеся данные позволяют с уверенностью говорить о том, что в Самарской губернии начала XX в. наиболее активное сопротивление староверию оказывало губернское гражданское начальство. В Саратовской же епархии наоборот катализатором борьбы со староверием выступали архиереи, находящиеся в постоянном конфликте с губернаторской властью.

⁷⁹ См.: ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-1об.

⁸⁰ См.: ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁸¹ См.: Именной высочайший Указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // Старообрядчество. История, культура, современность: Материалы. М., 2005. Т. I. С. 3-4.

⁸² Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви / Собрание сочинений. Т. 1. Барнаул, 2006. С. 400.

⁸³ Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права: Соккрытие истины; сокрытие своей личности; лжеприсяга и лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка. СПб., 1880. Т. 4. С. 49.

Самым актуальным вопросом для старообрядчества после Указа 1905 г. оставалось неоформленное юридически положение староверческих общин. В 1906 г. был издан соответствующий указ, регулирующий существование старообрядческих общин. Самарские старообрядцы сразу после издания указа начали активно регистрировать общины как в самой Самаре, так и по губернии. До 1909 г. в Самарской губернии разрешением юридически зарегистрировать общину воспользовались семь старообрядческих приходов, из них три – белокриницкого согласия, а остальные – беспоповцы⁸⁴.

Меры миссионерской борьбы господствующей церкви со старообрядчеством, судя по отчетам, перестали включать в себя административные притеснения, инициированные представителями церкви, и сосредоточились, главным образом, на публичных и частных беседах, проповедях и таком нововведении, как кружки ревнителей православия. В ответ на издание и активное распространение старообрядческих брошюр и периодической печати епархиальное руководство теперь реагировало выпуском собственных полемических и пропагандистских сочинений.

Общая либерализация отношения государственной власти к старообрядчеству, начатая при Александре III и продолженная Николаем II, благотворно сказалась на развитии староверия, в том числе и в Саратово-Самарском регионе. Миссионерские меры, которые принимала господствующая церковь, не могли достаточно эффективно противодействовать распространению староверия. У самих же старообрядцев появилась возможность использовать аналогичные средства пропаганды своего учения: издание брошюр и периодической печати, публичное отправление духовных треб с крестными ходами и колокольным звоном. В свою очередь, борьба гражданских властей со старообрядчеством, без вмешательства архиереев, перестала носить репрессивно-полицейский характер применительно к вероучению и превратилась в административные меры бюрократического толка.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Государственная конфессиональная политика в отношении старообрядчества претерпела за рассматриваемый период, со второй половины XVIII до начала XX в., качественные изменения. В ее развитии можно выделить следующие этапы:

1. 1762–1825 гг. – этап, включающий в себя правление Петра III, Екатерины II, Павла I и Александра I. Законодательные меры по отношению к старообрядчеству Екатерины II, особенно указ 1762 г. о переселении старообрядцев из-за границы в Россию, были продиктованы вовсе не либеральными ценностями, а прагматическими соображениями колонизации пустующих земель, в том числе Заволжья.

Для Саратово-Самарского региона данный этап стал началом массовой старообрядческой колонизации. Указ 1762 г. привлек в Заволжье большое количество староверов из Польши и позволил основать в районе Иргиза всероссийский старообрядческий центр – знаменитые иргизские монастыри.

⁸⁴ См.: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1216. Л. 5 об.-12 об.

Реализация государственной конфессиональной политики в изучаемом регионе полностью зависела от решений местного губернского и епархиального начальства.

2. 1825–1855 гг. – период правления Николая I. Для российского старообрядчества это было время самых жестких гонений, со времен Алексея Михайловича и царевны Софьи. Репрессивный характер конфессиональной политики Николая I получил реализацию в законодательстве и в повсеместной практике закрытия старообрядческих храмов, монастырей, ссылки и физических наказаний староверов за различные деяния, подпадающие теперь под уголовное преследование.

Для старообрядцев Саратово-Самарского региона реализация репрессивной политики николаевского правительства привела к насильственному обращению иргизских монастырей в единоверие. Последствия этого для поволжского староверия были самые плачевные, однако анализ архивных и статистических данных позволяет сделать вывод, что как и по всей России репрессии не имели должной эффективности в регионе: численность старообрядчества увеличивалась, а география его расселения ширилась за счет проповеди беглых иноков бывших иргизских обитателей.

Необходимо выделить особенность в реализации репрессивной политики Николая I в отношении старообрядцев в изучаемом регионе – все практические решения, также как и в предыдущий период, зависели от местного начальства. Из анализа законодательства и практики преследования староверов в данный период можно сделать вывод о том, что в период, когда государство берет на себя главенствующую роль во взаимоотношениях со староверием, господствующая церковь, законодательно не имеющая полномочий влиять на эти взаимоотношения, начинает использовать в борьбе со старообрядчеством миссионерскую деятельность. Этот же вывод подтверждает период «свободы вероисповедания» начала XX в. Оформление органов миссионерского служения среди старообрядцев в Саратовской епархии произошло в 30-х гг. XIX в., в Самарской – гораздо позже, в 80-х гг.

3. 1855–1917 гг. – период, изменения государственной конфессиональной политики в отношении старообрядчества, постепенной ее либерализации, вплоть до юридической свободы вероисповедания в 1905-1906 гг. и дальнейшего существования старообрядчества в новых условиях до 1917 г.

В начале данного периода правительство всерьез занялось решением «старообрядческого вопроса». Для сбора более-менее достоверной информации о статистике староверия, географии его распространения и т.д. в Саратовский край была направлена экспедиция А. Артемьева. В конце 50–60-х гг. эти данные были широко использованы великим князем Константином Николаевичем при разработке нового курса конфессиональной политики. Либеральные конфессиональные реформы, предлагаемые великим князем, однако не реализовались из-за жесткого противодействия священноначалия господствующей церкви.

Начало действительной либерализации отношения государства к старообрядчеству было положено указом 1883 г. После указа 1905 г., как и в период правления Николая I, господствующая церковь, законодательно

оттесненная от старообрядческой политики, переключила внимание на миссионерскую деятельность, которая в это время оформилась в виде специальных институтов в Самарской епархии.

Оценки указа 1905 г. неоднозначны. Многие старообрядцы и юристы уже в начале XX в. признавали его незавершенность и намеренное уклонение от решения насущных для староверия проблем. В первую очередь это касалось юридического закрепления существования староверческих общин. Тем не менее, многие вопросы впоследствии решились законодательными актами 1906 и 1909 гг.

Процесс развития государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству вполне соответствовал общему внутривнутриполитическому курсу того или иного правительства. Однако в Саратово-Самарском регионе эта зависимость зачастую нивелировалась решениями местных властей, действовавших по своему усмотрению, не всегда в рамках существующего общероссийского законодательства.

Позиция господствующей церкви по отношению к староверию за весь изучаемый период практически не менялась. Старообрядчество однозначно рассматривалось как раскол, борьба с которым оправдывает любые средства, вплоть до физического наказания. Исходя из неизменности роли господствующей церкви как основного идеологического союзника государства, ее позиция почти всегда находила поддержку правительства. Лишь в начале XX в., когда накопилось множество противоречий внутри нее самой, ее ценность для государственной власти уменьшилась, что привело к либерализации конфессионального политического курса.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статья в журнале, рекомендованном ВАК:

1. *Наумлюк А.А.* Самарское старообрядчество в начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. – Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 2009. – № 1 (67). – С. 66–70.

Монография:

2. *Наумлюк А.А.* Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2009. – 100 С.

Статьи в прочих изданиях:

3. *Наумлюк А.А.* Иргизское старообрядчество и власть // Реформирование государственной службы как стабилизирующий фактор становления гражданского общества в России: Материалы научно-практической конференции 26 апреля 2005 г. – Саратов, 2005. – С. 196–198.

4. *Наумлюк А.А.* Государственная религиозная политика и Иргизские старообрядческие монастыри // «Платоновские чтения»: Материалы XI Всероссийской конференции молодых историков г. Самара 2–3 декабря 2005 г. – Самара, 2005. – С. 116–119.

5. *Наумлюк А.А.* Осуществление правил 27 мая 1820 г. «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» в Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник. – Саратов, 2005. – С. 22–32.

6. *Наумлюк А.А.* Хозяйственная деятельность Иргизских старообрядческих монастырей в начале XIX века // Оптимизация государственного и муниципального управления в условиях глобализации: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых 25–26 апреля 2006 г. – Саратов, 2006. – С. 237–240.

7. *Наумлюк А.А.* Старообрядчество как объект миссионерской деятельности РПЦ в Саратовской епархии во второй трети XIX века // Историко-археологические изыскания. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – Вып. 8. – С. 27–32.

8. *Наумлюк А.А.* Проблемные вопросы истории Иргизских старообрядческих монастырей // «Новый век». История глазами молодых. – Саратов: Изд-во СГУ, 2006. – Вып. 5. – С. 64–76.

9. *Наумлюк А.А.* Указ 1762 года и основание Иргизских скитов // «Платоновские чтения»: Материалы XII Всероссийской конференции молодых историков г. Самара 10–11 ноября 2006 г. – Самара, 2006. – С. 243–245.

10. *Наумлюк А.А.* Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству Петра III и Екатерины II // Пути и механизмы обеспечения конкурентоспособности российских регионов: Сборник научных трудов. – Саратов, 2007. – С. 270–272.

11. *Наумлюк А.А.* Борьба РПЦ и светских властей с распространением раскола в Саратовской губернии в XIX в. // Этнический фактор в процессе социальных трансформаций. Миграционная политика: проблемы и перспективы трудовой миграции: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2007. – С. 279–286.

Наумлюк Антон Александрович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСТВУ
В САРАТОВО-САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Автореферат

Подписано в печать 28.10.2009

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Формат 60x84 1/16. Усл.-печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1.

Тираж 100 экз. Заказ 150

Научно-исследовательский и редакционный отдел ВВВУТ.
412903, Вольск, М. Горького, 3